Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Видавничий дім Дмитра Бураго

****

Наукове видання

«МОВА І КУЛЬТУРА»

Випуск 19

Том V (185)

Київ
2017

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Издательский дом Дмитрия Бураго

***

Сергія, – у злодійській оглядці, надмірних лестощах, жадібності в їжі, брюзгливості. М'якість характеру князя Івана – у порівнянні його з дівчиною.

Фіксуючи миттєві психологічні процеси та стани, які не завжди оформлюються у думки, автор приділяє посилену увагу виразним деталям та жестам персонажа. Князь Симеон, який за зовнішньою твердістю, рішучістю, іноді за злістю та роздратуванням ховає душевну вразливість, коливання та сумніви, дивується, почувши, що його прозвали Гордим: «*Какая в нем гордость? Сомнения вечные, стыд да порою храбрость с отчаяния, с того всегдашнего знатья, что иначе – нельзя*» [3: 64]. Зовнішнє його оточення бачить властність та твердість, і тільки найближчі та люблячі можуть за ледве помітними зовнішніми ознаками зрозуміти його внутрішній стан.

Отже, Д.М. Балашов, використовуючи традиційний психологічний портрет, у якому через зовнішні риси передано внутрішній стан героїв, і зовнішні деталі детерміновані особливостями характеру та поведінки, тонко розкриває складність співвідношення особистих прагнень індивіда та загальних тенденцій історичного розвитку, поєднуючи хронікальний принцип побудови сюжету з морально-філософським, який сприяє висвітленню проблем сучасності.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Кричевская Л.И. Портрет героя / Л.И. Кричевская. – М.: Аспект-экспресс: Астрель, 1994. – 182 с.
2. Меркушов С.Ф. Серия романов Д.М. Балашова «Государи Московские» как цикл – Автореферат дис. … канд. филол. наук / С.Ф. Меркушов. – Тверь, 2008. – 40 с.
3. Абрамова Е.И. Костюм как полифункциональная деталь в исторической прозе XX века – Дис. … канд. филол. наук / Е.И. Абрамова. – Тверь, 2006. – 202 с.
4. Октябрьская О.С. Государи Московские. Портрет в цикле романов Дмитрия Балашова / О.С. Октябрьская // Москва. – 1995. – № 1. – С. 155–158.
5. Пустовіт Т.М. Методологічна основа художнього аналізу історичного процесу в творах Д. Балашова: монографія / Т. М. Пустовіт. – Вінниця : ВНТУ, 2012. – 157 с.
6. Балашов Д.М. Собрание сочинений: В 6-ти т. / Д. М. Балашов. – М.: Художественная литература, 1992. – Т. 4: Симеон Гордый. – 538 с.
7. Меркушов С.Ф. Образ князя Юрия в романах Д. М. Балашова «Младший сын» и «Великий стол» // Известия РГПУ. Аспирантские тетради. – № 32 (70) – СПб., 2008. – С. 226–229.
8. Балашов Д.М. Собрание сочинений: В 6-ти т. / Д. М. Балашов. – М. : Художественная литература, 1991. – Т. 3: Бремя власти. – 381 с.

Пустовит Т.Н., канд. филол. наук, доцент
Винницкий национальный технический университет, Винница

РОЛЬ ПОРТРЕТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ИСТОРИИ В РОМАНАХ Д. БАЛАШОВА

В статье рассматривается своеобразие портретных характеристик в романах Д.М. Балашова и их роль в художественной реализации авторской концепции человека и истории. Определено, что Д.М. Балашов, используя традиционный психологический портрет, в котором внешние детали детерминированы особенностями характера героя, тонко раскрывает сложность соотношения личных устремлений индивида и общих тенденций исторического развития.

Ключевые слова: *исторический роман, морально-философская проблематика, портретные характеристики, психологический портрет.*

Pustovit T.N., PhD (Philology)
Vinnytsia national technical university, Vinnitsa

THE ROLE OF PORTRAIT CHARACTERISTICS IN THE ARTISTIC REALIZATION OF THE CONCEPT OF MAN AND HISTORY IN THE NOVELS OF D. BALASHOV

The article deals with the unique portrait characteristics in the noveks by D.M. Balashov and their role in the artistic realization of the author's conception of man and history. It is revealed, that D.M. Balashov, using the traditional psychological portrait in which external details are determined by the characteristics of the character of the hero, subtly reveals the complexity of the correlation of the individual aspirations and the general tendencies of historical development.

Key words: *historical novel, moral and philosophical problems, portrait characteristics, psychological portrait.*

УДК 811.161.1

Юрьева Ж.А., преподаватель
Национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, Харьков

СПОСОБ АРГУМЕНТАЦИИ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» Н.В. ГОГОЛЯ

Статья посвящена коммуникативному анализу конфликтной ситуации на материале поэмы «Мертвые души» Н.В. Гоголя. Выделяются этапы конфликтной ситуации и особенности трансформации отдельных признаков данного дискурса: изменение стилевой окраски лексического состава реплик, движение общего интонационного контура, перемена обращения собеседников друг к другу с «вы» на «ты», изменение модальности в формулировках исходного тезиса. Способ аргументации влияет на выбор языковых средств в конфликтной ситуации следующим образом: происходит трансформация и контаминация фразеологических оборотов, наряду с нейтральной лексикой употребляются просторечные слова и выражения, используются противопоставления, интерьективные фразеологические единицы и риторические вопросы, актуализируются вторичные значения лексических единиц. Происходит поочередная смена языковых и неязыковых факторов:

© *Юрьева Ж.А., 2017*

комплимент, аргументация, внутренняя речь героя, апелляция к чувству стыда и верованиям, неязыковое и языковое подкрепление эмоций, логический аргумент.

Ключевые слова: *комплимент, аргументация, конфликтная ситуация, коммуникативная цель, стратегия, тактика, оппонент, манипуляция, мнимое достижение.*

В современной науке изучаются разные аспекты употребления человеком языковых средств: отражение в языке менталитета нации вообще и отдельного человека в частности, средства закрепления в языке разноплановой информации о мире, зависимость выбора человеком языковых средств от ситуации общения. Последний аспект рассматривается прагматической лингвистикой, которая активно развивается в наше время. Изучение вопроса о выборе языковых средств в зависимости от коммуникативной ситуации привело ученых к необходимости исследования факторов, определяющих специфику ситуации общения, в частности языковую компетенцию участников общения и более широко – особенности языковой личности. В многочисленных работах, представленных в лингвистической литературе, рассматриваются разные аспекты указанной проблемы: когнитивные и коммуникативные аспекты изучения языковой личности, индивидуальное в речи, личность и языковой коллектив, типы языковой личности. Большой интерес представляет вопрос о том, как проявляются особенности языковой личности в разных ситуациях. Данный вопрос освещен в литературе фрагментарно. Также недостаточно исследован вопрос о речевом поведении участников спора. Как проявляется языковая личность в конфликтной ситуации, как происходит отбор языковых средств (и каких именно) в условиях накала страстей, как язык помогает разворачивать стратегию конфликта – эти и многие другие вопросы еще требуют своего решения.

Рассмотрим вопрос о том, как расшифровывается термин «языковая личность». В лингвистике существуют разные точки зрения. Ю.Н. Караулов понимает под языковой личностью «совокупность особенностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [5: 3]. Отталкиваясь от этого определения, Т.Г. Винокур, Е.В. Красильникова, Г.И. Богин вносят уточнения в характеристику данного понятия. По мнению Т.Г. Винокур, «компоненты словосочетания "языковая личность" квалифицируемого как терминологическое, указывают, во-первых, на коммуникативно-деятельностную, а, во-вторых, на индивидуально-дифференцирующую характеристики» [2: 11]. Г.И. Богин считает, что «языковая личность характеризуется определенным набором языковых способностей: умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения » [2].

Некоторые авторы рассматривают понятие языковой личности в связи с художественным произведением. Е.В. Красильникова полагает, что персонаж художественного произведения – "языковая личность" sui generis, ведь язык – единственная субстанция, в которой он существует. Но в той мере, в какой произведение отражает речь определенных социокультурных типов, оно может служить источником для воссоздания речевых характеристик прототипов [5: 8].

Ф.С. Бацевич полагает, что «анализ ситуаций межличностного общения это прежде всего анализ коммуникативного поведения участников интеракции» [1: 84]. Ученый

предлагает учитывать коммуникативное поведение при определении коммуникативного паспорта человека.

Избрав для анализа диалог, являющийся фрагментом поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», рассмотрим следующие вопросы.

Как способ аргументации – одна из характеристик языковой личности – влияет на выбор языковых средств в конфликтной ситуации?

Каким образом проявляется взаимосвязь языковых и неязыковых факторов в конфликте?

Проведем анализ на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в третьей главе первого тома. Диалог происходит между коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым и коллежской секретаршей Настасьей Петровной Коробочкой. Чтобы провести коммуникативный анализ фрагмента, необходимо учесть контекст и ситуацию общения, коммуникативный паспорт участников общения. Контекст и ситуация предполагает рассмотрение места и время общения, каналов коммуникации, коммуникативного шума и обратной связи.

Иллокутивная цель Чичикова – убедить Коробочку отдать или продать ему списки мертвых крестьян, т.е. «мертвые души». Анализ диалога позволяет выделить четыре особенности трансформации отдельных признаков данной конфликтной ситуации: 1) изменение стилевой окраски лексического состава реплик, 2) движение общего интонационного контура, 3) перемена обращения собеседников друг к другу с «вы» на «ты»,

4) изменение модальности в формулировках исходного тезиса. Каким же образом происходит такая трансформация?

Место общения – жилище Коробочки. Чичиков раньше здесь не бывал, и поэтому проявляет определенный интерес к жилищу Коробочки. Детали описания деревни влияют на ход общения.

Время общения – утро. На ход коммуникации не влияет.

На начало общения в определенной мере накладывает свой отпечаток спокойное психологическое состояние, в котором находится Павел Чичиков после того, как он увидел большое количество домов в деревне.

Ведущий канал – звуковой, который реализуется в прямой, непосредственной речи персонажей «лицом к лицу». Сопутствующими выступают средства визуального канала – жесты, мимика, выражения лица, движения тела (со стороны обоих персонажей).

Физический шум отсутствует; общению персонажей никто и ничто не мешает.

Психологический шум – несмотря на внешнее проявление и декларирование искренности поведения со стороны обоих участников общения, присутствует глубокое обоюдное недоверие, настороженность, которые проявляются в постоянном «вычитывании» в словах партнера непрямых речевых смыслов.

Семантический шум – минимальный и определяется шумом психологическим, относится в первую очередь необходимость восприятия и «декодирования» непрямых речевых актов, шуток, намеков и тому подобное. Проявляется в постоянном уточнении слов партнера.

Оба персонажа внимательно следят за коммуникативным поведением друг друга, и поэтому обратная связь поддерживается постоянно.

Коммуникативный паспорт участников общения предполагает рассмотрение предметной и коммуникативной целей, инициатив, стратегий и тактик.

Предметная цель Чичикова: а) убедить Коробочку отдать или продать ему списки мертвых крестьян, т.е. «мертвые души». В ходе общения не достигает поставленной цели, б) в процессе общения появляется новая предметная цель: задобрить собеседницу и убедить ее в выгодной сделке, предлагая закупать у нее продукты. Частично достигает поставленной цели, добивается мнимого согласия.

Цель Коробочки: договориться с Чичиковым закупать хозяйственные товары. Частично достигает поставленной цели, добивается временно мнимого согласия.

Коммуникативная цель Чичикова: удерживая коммуникативную инициативу, манипулировать собеседником, навязать свою волю. Достигает поставленной цели.

Коробочка пытается перехватить коммуникативную инициативу, заставить Чичикова согласиться на ее условия. Не достигает поставленной цели.

Это соревновательный тип дискурса, поскольку на протяжении развертывания всего фрагмента происходит борьба персонажей за коммуникативную инициативу. Появившись в приватном жилище Коробочки как нежданный гость, Чичиков определенное время владеет инициативой, принимая во внимание то, что Коробочка вынуждена выполнять коммуникативную роль хозяйки, выслушивать шутки и остроты гостя. Вместе с тем, уже в этой первой части дискурса коммуникативную инициативу Коробочки можно определить как ровную, направленную на фатичное, «светское» общение.

Далее борьба за коммуникативную инициативу усиливается. На первый взгляд, Чичиков еще ею владеет, но на самом деле она перешла к Коробочке, поскольку ее гость выдает свои намерения.

Происходит решительный перелом в борьбе за коммуникативную инициативу. Именно с этого момента Чичиков использует аргументацию. Это – вершина коммуникативной инициативы Павла Чичикова и потеря коммуникативной инициативы Коробочки.

Коммуникативную стратегию Коробочки можно определить как разведовательно-наступательную, негибкую, манипулятивную, направленную на коммуникативное подчинение собеседника.

Чичиков в целом проявляет себя как мастер гибкой, осторожной, выжидательно-сдержанной, направленной на нейтрализацию манипулятивных коммуникативных ходов оппонента стратегии в первой половине общения и уверенно-наступательной, скрытно-манипулятивной – в другой.

Описывая психологическое состояние Чичикова после разговора с Коробочкой, автор поэмы отмечает: *«Эк ее, дубинноголовая какая! – сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения... Отерши пот, Чичиков решился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною»* [3: 39].

Иначе говоря, Чичиков признает неудачный выбор коммуникативной стратегии беседы, свою коммуникативную неудачу в первой половине общения. Но во второй части ему удается изменить ход ситуации, используя аргументы для убеждения. «Казенные подряды подействовали сильно на Настасью Петровну, по крайней мере, она произнесла уже почти просительным голосом: *«Да чего ж ты рассердился так горячо?»* [3: 41].

Коробочка понимает, что Чичикову удалось воплотить свою коммуникативную стратегию: *«Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнаций!»* [3: 41].

Коробочка в начале общения придерживается тактик наигранной симпатии, уважительно относится к своему гостю. На втором этапе – недоумение Коробочки, которое языковую тактику изменяет пока еще еле заметно. Она боится, что незнакомец обманет ее. Под давлением коммуникативной стратегии Чичикова Коробочка переходит к тактике клиента, заинтересованного в предложении гостя.

Чичиков на протяжении всего дискурса использует тактики вежливости, шуток, советов и предложений. Аргументы и ссылки, аппеляция к чувству стыда и верованиям способствуют мнимому временному достижению коммуникативной цели.

Социальная роль Чичикова: взрослый неженатый человек, коллежский советник, помещик, «по своим надобностям». О своей социальной роли говорит непрямо, а представляется Коробочке как «покупщик». Постоянно подчеркивает, что может быть полезен Коробочке как покупатель «мертвых душ».

Коммуникативная роль Чичикова: уверенный в себе гость, который приехал не во время.

Социальная роль Коробочки: коллежская секретарша. Пытается заинтересовать Чичикова закупкой хозяйственных товаров.

Коммуникативная роль Коробочки: удивленная неожиданным визитом, внимательная хозяйка, заинтересованная делами партнера по коммуникации, испуганная коммуникативным поведением собеседника.

В начале диалога Чичиков использует доброжелательные обращения, соблюдая этикет (*«матушка»; «Настасья Петровна? хорошее имя Настасья Петровна»*) [3: 37]. Начало и конец диалога отличаются употреблением в репликах обоих собеседников слов просторечно-сниженного плана (*«Еще третьего дня всю ночь мне снился окаянный (черт). Ах, какие ты забранки пригинаешь!»* – Коробочка) [3: 40].

Анализ диалога Чичикова и Коробочки позволил выделить такие этапы конфликтной ситуации: 1 этап – изложение Чичиковым своей просьбы;

2 этап – недоумение Коробочки и изложение главного аргумента Чичикова;

3 этап – дополнительная аргументация;

4 этап – повторение аргументов и подкрепление просьбы и аргументации средствами языковой образности;

5 этап – логический аргумент Чичикова и согласие Коробочки.

На первом этапе спора используется комплимент, чтобы задобрить собеседницу. Чичиков излагает свою просьбу: отдать или продать ему «мертвые души». Коробочка тоже уважительно относится к своему гостю, обращаясь к нему: *«Отец мой», «батюшка»*. Эти реплики взаимно направлены, используется подсознательная стратегия симметричных обращений.

Второй этап – недоумение Коробочки, которое языковую тактику изменяет пока еще еле заметно: *«да как же уступить их?»*[3: 38] На что следует главный аргумент Чичикова: *«Я вам за них дам деньги»* [3: 38]. Следует отметить, что «всякая аргументация складывается из знаний о мире, базируется на сообщении оппоненту новых сведений, новой для него информации» [4: 248]. Основная цель спорщика – не только проинформировать собеседника, но и привести такие аргументы, которые помогут убедить оппонента и прийти к согласию или победе в конфликтной ситуации.

На третьем этапе в качестве дополнительных аргументов Чичиковым используются ссылки на то, что он избавит Коробочку от платежа и даст сверху пятнадцать рублей. Коробочка боится, что незнакомец обманет ее, и она отвечает на дополнительную аргументацию Чичикова: *«Право, я боюсь на первых-то порах, чтобы как-нибудь не понести убытку... они больше как-нибудь стоят»* [3: 39]. На данном этапе меняется интонационный контур и модальность. Раньше было недоумение, а сейчас – страх Коробочки.

Далее на четвертом этапе следует повторение Чичиковым своего основного аргумента и дополнительная ссылка: *«... что ж они могут стоить? Рассмотрите ведь это прах »* [3: 39]. В словаре русского языка под ред. Евгеньевой первое значение слова «прах» следующее: «мельчайшие частицы чего-либо, пыль», а второе значение: «то, что недолговечно, ничтожно, малоценно» [6: 359]. В данном случае первичное и вторичное значения объединяются и являются коннотативным средством, которое служит сигналом развития конфликта. Чичиков пытается объяснить Коробочке, что списки мертвых крестьян ничего не значат и не стоят. В тексте можно найти лексические указатели уровня интонации на каждом этапе. Если первый этап – нулевая точка отсчета – характеризуется интонацией, качество которой отражено в словах: *«На все воля божья, матушка! – сказал Чичиков, вздохнувши, – ... Уступите их мне, Настасья Петровна?»* [3: 38], то на второй ступени некоторый ее подъем можно видеть в том, что Чичиков утверждает свое, задавая вопросы и требуя ответа, а значит повышает тон: *«Да кто же говорит, что они живые? Потому-то и в убыток вам, что мертвые: вы за них платите, а теперь я вас избавлю от хлопот и платежа. Понимаете?... Ну теперь ясно?»* [3: 38] В данных репликах происходит трансформация фразеологического оборота: *«На все воля божья»*, чтобы был доступнее фразеологизм. Это довод, который применяется к особенностям оппонента. Чичиков знает, что Коробочка – верующий человек. Значение данного фразеологизма следующее: «В силу не зависящих от человека обстоятельств» [7: 260]. Чичиков старается убедить собеседницу и, употребляя этот фразеологический оборот, имеет в виду, что все происходит «по воле Бога» и не зависит от нашего выбора.

Следующая ступень подъема интонации отмечена во фразе: *«Эк, ее дубинноголовая! – сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения...»*[3: 39]. Эксплицируется внутренняя речь одного из героев, которая является показателем эмоционального состояния героя. Происходит взаимодействие внутренней и собственной речи. Чичиков понимает, что на соперницу не действуют предыдущие доводы, и решает попробовать сравнить цены на мед и на «мертвые души». *«Там вы получили за труд, за старание двенадцать рублей, а тут вы берете ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать, да и не серебром, а все синими ассигнациями»* [3: 40]. В данной реплике употребляются противопоставления: труд – ничто, серебро – синие ассигнации. Последняя пара имеет двойное противопоставление. Серебро – мелочь, а синие ассигнации – крупные деньги, данные слова являются противопоставлениями и по второму значению: количество и качество.

Коробочка считает, что лучше повременить и прицениться. Здесь инициатором нового повышения интонации становится Чичиков: *«Страм, страм, матушка! Просто страм! Ну что вы это говорите, подумайте сами!»* [3: 40]. В данной фразе происходит апелляция к чувству стыда. То, что Коробочка принимает этот уровень интонации, можно видеть из ее неуверенных, незаконченных, синтаксических конструкций (*«... я можем и в хозяйстве – как-нибудь под случай понадобятся...»*) [3: 40] и коротких восклицательных предложений (*«С нами крестная сила! Какие ты страсти говоришь!»*) [3: 40], которые свидетельствуют о нерешительности и боязни Коробочки иметь дело с таким странным покупателем. В ответ возмущенный Чичиков старается убедить ее продать «мертвые души» именно ему, а не другим купцам. Желание уговорить собеседницу усиливается, это подтверждается риторическим вопросом: *«Кто же станет покупать их?... Мертвые в хозяйстве!»*[3: 40] и интерьективной фразеологической единицей: *«Эк куда хватил!»* [3: 40]. В данных репликах Чичикова использовано междометное выражение эмоций возмущения и негодования, что свидетельствует о развитии страстей. Чичиков раздражен, у него больше не хватает терпения объяснять и убеждать старуху. Это отражается в авторской ремарке (*«Здесь Чичиков вышел совершенно из границ всякого терпения, хватил в сердцах стулом об пол и посулил ей черта»*) [3: 40]. Это описание неязыкового подкрепления, которое указывает на то, что в диалоге происходит накал страстей и назревает конфликт. Коробочка очень боится черта, она испугалась, что очевидно в соответствующих репликах и словах автора (*«Ох, не поминай его, бог с ним! – вскрикнула она, вся побледнев»*) [3: 40].

Переход в обращении с «вы» на «ты» первой делает Коробочка: *«Может быть, ты, отец мой, меня обманываешь...»* [3: 39]. Чичиков делает это в конце диалога: *«... Да пропади и околей со всей вашей деревней! »* [3: 40]. Чичиков – более опытный коммуникативный партнер, он использует часть фразеологизма и обращается к Коробочке сначала на «ты», а затем – на «вы», когда речь идет о деревне. Это языковое подкрепление эмоций. Происходит трансформация фразеологического оборота *«Пропади пропадом!»*, значение которого во Фразеологическом словаре под ред. Федорова следующее: «Выражение сильной досады, раздражения по поводу кого-либо или чего-либо» [7: 159]. Эта угроза в адрес Коробочки и уловка в конфликтной ситуации, как бы он уже ничего не хочет. Этот этап знаменует кульминацию конфликта. И действительно Чичиков очень рассержен на свою собеседницу: *«Да не найдешь слов с вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежит на сене, и сама не ест, и другим не дает»*[3: 40]. Здесь также заметна трансформация фразеологического оборота *«(Как) собака на сене»*, который имеет такое значение: «Кто-либо сам не пользуется чем-либо и другим не дает пользоваться. О человеке» [7: 260]. В данном фразеологическом обороте происходит актуализация вторичного значения слова *«дворняжка»*. Это слово оказывается оскорбительным для коллежской секретарши. Прослеживается внутренняя связь слов «дворняжка» и «дворянка». В данном случае оскорбительная вторичная номинация есть коннотативным средством, которое является сигналом кульминации конфликтной ситуации. Происходит контаминация оборотов. Все реплики, употребляемые Чичиковым на данном этапе, свидетельствуют о взрыве ситуации, которая требует сгущения изобразительных средств.

Чичиков очень хитер, чтобы задобрить собеседницу и убедить ее в выгодной сделке, он идет на последний шаг, предлагая закупать у нее продукты. Именно этот последний логический аргумент сильно подействовал на Коробочку, и она соглашается отдать «мертвые души», но при условии, что Чичиков будет закупать хозяйственные товары. Тем контрастнее и внушительнее происходит резкое снижение тона Чичиковым (*... говорил он, а между тем отирал рукою пот, который в три ручья катился по лицу его*) и

возвращение интонации на уровень второго этапа, на котором она теперь и сохраняется и до конца разговора.

В данном диалоге происходит поочередная смена языковых и неязыковых факторов. Основной эффект в исходе конфликтной ситуации выполнил логический аргумент. Апеляция к верованиям и к чувству стыда, подкрепленные языковыми средствами, если не сыграли решающую роль, то подготовили почву в разрешении конфликта.

Градацию в модальности утверждения Чичиковым исходного тезиса можно проследить довольно четко: *1) Уступите-ка их мне; 2) Или, пожалуй, продайте; 3) А теперь, я вас избавлю от хлопот и платежа. Понимаете?; 4) Так что же, матушка, по рукам, что ли?... Ну, так что же? Как же? отвечайте, по крайней мере; 5)... да пропади.* Первая фраза имеет личный, императивный характер, где модальность просьбы выражена лексически и смягчена частицей -ка. Во второй формулировке та же модальность передана другим словом и смягчена вводным словом «пожалуй». Далее, как бы следуя за ростом интонационного контура всего текста, в формулировке (3) присутствует настойчивый вопрос. На следующем шаге также настойчивый вопрос, смягченный обращением – словом «матушка» с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Категоричность же достигается с помощью формы императива, которая усилена обстоятельством «по крайней мере», и уточняющими вопросами. Пик модальности долженствования приходится на форму императива- угрозы (5).

Анализ данного диалога позволил сделать следующие выводы:

1. Выделяются этапы конфликтной ситуации и особенности трансформации отдельных признаков данного дискурса: а) изменение стилевой окраски лексического состава реплик; б) движение общего интонационного контура, в) перемена обращения собеседников друг к другу с «вы» на «ты»;

г) изменение модальности в формулировках исходного тезиса.

2. Способ аргументации влияет на выбор языковых средств в конфликтной ситуации следующим образом: а) происходит трансформация и контоминация фразеологических оборотов; б) наряду с нейтральной лексикой употребляются просторечные слова и выражения, в) используются противопоставления, интерьективные фразеологические единицы и риторические вопросы; г) актуализируются вторичные значения лексических единиц.

3. Происходит поочередная смена языковых и неязыковых факторов: комплимент, аргументация, внутренняя речь героя, апеляция к чувству стыда и верованиям, неязыковое и языковое подкрепление эмоций, логический аргумент.

4. Коммуникативную стратегию Коробочки можно определить как разведовательно-наступательную, негибкую, манипулятивную, направленную на коммуникативное подчинение собеседника. Чичиков в целом проявляет себя как мастер гибкой, осторожной, выжидательно-сдержанной, направленной на нейтрализацию манипулятивных коммуникативных ходов оппонента стратегии в первой половине общения и уверенно-наступательной, скрытно-манипулятивной – в другой.

5. Коробочка в начале общения придерживается тактик наигранной симпатии, уважительно относится к своему гостю. На втором этапе – недоумение Коробочки, которое языковую тактику изменяет пока еще еле заметно. Она боится, что незнакомец обманет ее. Под давлением коммуникативной стратегии Чичикова Коробочка переходит к тактике клиента, заинтересованного в предложении гостя. Чичиков на протяжении всего дискурса использует тактики вежливости, шуток, советов и предложений. Аргументы и ссылки, апеляция к чувству стыда и верованиям способствуют мнимому временному достижению коммуникативной цели.

Перспективными проблемами исследования являются: закономерности порождения коммуникативных смыслов эстетического характера в разных текстотипах и на разных этапах работы автора над своим произведением, влияния на интерактивные действия автора, наратора, героев произведения социальных, возрастных, гендерных факторов, функционирование в тексте анализированного произведения дискурсивных слов и выражений; взаимоотношение речи автора (наратора) и героев произведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бацевич Ф. Лінгвокомунікативні та риторико-прагматичні виміри художнього тексту (на матеріалі роману Івана Франка «Перехресні стежки»): монографія / Флорій Бацевич. – Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2016. – 204 с.
2. Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция / Т.Г. Винокур // Шмелев Д.Н. Язык и личность. – М.: Наука, 1989.
3. Гоголь Н.В. Мертвые души / Н.В. Гоголь. – М.: Художественная литература, 1969. – 316 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987.
5. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов, Е.В. Красильникова // Шмелев Д.Н. Язык и личность. – М.: Наука, 1989.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин – т лингвист. исслед. ; [Гл. ред. А.П. Евгеньева]. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз.: Фирма «Полиграфресурсы», 1999. 7. Фразеологический словарь русского литературного языка. Под ред. А.И Федорова. – Новосибирск: Наука, 1995.

Юр'єва Ж.А., викладач

Харківський національний педагогічний університет імені Г.С. Сковороди, Харків

СПОСІБ АРГУМЕНТАЦІЇ У КОНФЛІКТНІЙ СИТУАЦІЇ НА МАТЕРІАЛІ ПОЕМИ «МЕРТВІ ДУШІ» М.В. ГОГОЛЯ

Стаття присвячена комунікативному аналізу конфліктної ситуації на матеріалі поеми «Мертві душі» М.В. Гоголя. Виділяються етапи конфліктної ситуації і особливості трансформації окремих ознак даного дискурсу: зміна стильового забарвлення лексичного складу реплік, рух загального інтонаційного контуру, зміна звернення співрозмовників один до одного з «ви» на «ти», зміна модальності в формулюваннях вихідної теми. Спосіб аргументації впливає на вибір мовних засобів в конфліктній ситуації наступним чином: відбувається трансформація і контомінація фразеологічних зворотів, поряд з нейтральною лексикою вживаються просторічні слова і вирази, використовуються протиставлення, інтер'єктивні фразеологічні одиниці і риторичні запитання, актуалізуються вторинні значення лексичних одиниць. Відбувається послідовна зміна